

В.И.Абрамова, Ю.В.Архангельская

ПРЯНИК КАК КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫЙ СИМВОЛ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Пряник в русской культуре являлся не только популярным лакомством, но и ритуальным предметом. Свойства (мягкость, сладость, наличие в компонентном составе меда и пряностей) и особенности использования этого кондитерского изделия в обрядовых действиях (свадьба, похороны, обходные календарные обряды) во многом определили его символику, закрепившуюся на языковом уровне в пословицах и поговорках, а также в художественных и публицистических текстах. В русской лингвокультуре пряник является языковым символом поощрения; преимущества; выгоды, блага; расположения, интереса; достатка; чего-либо желанного, но труднодостижимого; человека как носителя определенных качеств (хитрости либо, наоборот, доверчивости, наивности, глупости). В пищевом лингвокультурном коде русских людей пряник противопоставлен хлебу или каше, как продуктам незаменимым; его символическое значение, напротив, включает элемент необязательности, избыточности, что поддерживается дериватом пряничный в значении обильно украшенный или чрезмерно сентиментальный.

Ключевые слова: русская лингвокультура, пищевой лингвокультурный код, пряник, артефакт, языковой символ, символическое значение

Слова, обозначающие продукты питания, могут иметь в языковой картине мира символическое значение. В этом случае мы имеем дело с пищевым (кулинарным, гастрономическим) лингвокультурным кодом, отражающим пищевые предпочтения и табу представителей определенного этноса. Для русских людей традиционными продуктами питания являлись хлеб, блин, калач, каша, щи, молоко. Их символические значения уже становились объектами исследования лингвистов [1, 2]. Однако *пряник*, по нашим наблюдениям, пока не был проанализирован в лингвокультурологическом аспекте. Целью данной статьи является анализ символики *пряника* в русской вербальной культуре. В задачи входит 1) поиск традиционных (фольклорных), художественных, публицистических контекстов, в которых *пряник* является языковым символом, определяющим важные аспекты отражения мира в русской лингвокультуре; 2) определение его символических значений; 3) изучение особенностей функционирования этих языковых символов в русской вербальной культуре.

Методологической основой исследования послужили работы В.Н.Телия, М.Л.Ковшовой, Д.Б.Гудкова, В.А.Масловой, В.П.Москвина. Справедливо отмечая, что «в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую», В.Н.Телия пишет: «Словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некоторую идею. Важно отметить, что материальным экспонентом этого замещения является не реалья как таковая, а имя» [3]. В настоящей работе под языковым символом мы будем понимать «дескриптивный портрет абстрактной идеи» вслед за В.П.Москвиным [4], который в структуре символа справедливо, на наш взгляд, выделяет два аспекта — таксономический и ассоциативный: «В понятийно-таксономическом отношении означающее и означаемое символа никак не связаны и действительно ничего общего между собой не имеют, поскольку предметное и отвлеченное понятия не могут быть связаны *таксономически*, однако косвенная *ассоциативная* связь между ними обязательно есть — метонимическая или метафорическая» [4, с. 679-680]. В.П.Москвин считает метафоры и метонимии фигурами переноса, вводящими символ, или «ассоциативными основами символа» [4, с. 686]. Необходимо отметить также, что одним из ярких признаков, присущих символу, ученые называют императивность. По известному выражению Н.Д.Арутюновой, «образ психологичен, метафора семантична, символика императивна, знак коммуникативен» [5].

Прежде чем анализировать знаковые функции *пряника* как языкового символа, считаем необходимым остановиться на символике этого кондитерского изделия как артефакта русской культуры, которое выполняло ритуально-магические функции и использовалось в календарных и семейных обрядах. Символическое значение *пряника* во многом определял входящий в его состав мед, соотносимый в народной культуре с такими понятиями, как бессмертие, плодородие, здоровье, благополучие, красота, счастье [6]. Наличие в составе *пряника* меда и пряностей обусловило большинство его наименований в русском языке: медовик, медовник, медовушка (от мед), *пряник*, *прянец*, *попряник*, *пупряник*, *попьяльник* (от *пряный* — прилаг. от *пыль* — «перец» [7]).

По способу изготовления *пряники* могли быть печатными, лепными и вырезными. В русских пословицах часто фигурируют *писаные пряники*, т.е. расписные, разукрашенные, и *неписаные*, т.е. лишенные украшений. Существует и другая версия того, почему *пряники* назывались *писаными*: иногда на *пряниках* делали такие надписи, как «Кого люблю, тому дарю» и др. Писаные *пряники* стоили дороже, и этот факт повлиял на языковую символику *пряника* в устойчивых выражениях, о чем будет сказано ниже.

Символика *пряника* может быть обозначена как продуцирующая, любовно-брачная, поминальная. Архангельские *пряники* — козули, — выпекавшиеся к Рождеству и имевшие форму домашних животных

(отсюда областное название), символизировали плодородие. Их давали колядующим детям, скормливали скоту, чтобы лучше плодился. В качестве гостинца *пряник* часто фигурирует в свадебном обряде. Жених или дружка могли дарить *пряники* невесте и ее подругам на смотринах, на обручении, на девичнике, в день свадьбы во время выкупа, накануне отъезда к венцу (в Вятской и Вологодской губерниях невесте от жениха дарили продолговатый *пряник*, в чем исследователи усматривают наличие продуцирующей, фаллической символики). На Русском Севере *пряник* заменял каравай на свадебном пиру, с *пряниками* провожали молодых для проведения ими первой брачной ночи (*пряник* в этом случае символизировал девственность невесты), особый — *разгонный пряник* — подавали в знак того, что застолье окончено. В качестве подарков родителям невесты, ее родственникам, самим молодоженам *пряники* использовались на второй и третий день свадьбы. Фигурировал *пряник* и в похоронной обрядности: угощением *пряником* заканчивалась поминальная трапеза, в Тульской губернии кусочки *пряника* во время похорон раздавали детям как «ангельским душкам» [8].

Пряник не являлся повседневной пищей русских людей в отличие от таких продуктов, как хлеб, каша, кисель, блин и др. Это кондитерское изделие было элементом праздника, лакомством, поэтому в его семантике присутствует значение добавочности, необязательности (*Хлеба не станет — будем пряники есть; Жена не пряник, а ржаной ломоть. Жена не пряник, не лизать ее стать* — о красоте [9]) и одновременно притягательности, желанности (*Ребенку дорог пряник, старцу — покой; Я не пряник, чтобы всем нравиться*). Примечательно, что слово *пряный*, от которого ведет свое происхождение *пряник*, имеет переносное значение ‘чувственный, вызывающий похоть’ и, по наблюдениям лингвистов, используется в русском языке как эвфемизм: «Все эти модные, *пряные* книжки вреднее вина, право! В них есть что-то наркотическое» (М.Горький, «Дачники») [цит. по: 10].

Пряник как артефакт, являясь популярным лакомством, часто становился символом городов, в которых было налажено его массовое производство, сначала кустарное, а потом фабричное (Тула, Вязьма, Городец, Тверь, Вологда, Архангельск). Нередко языковая символика *пряника* бывает обусловлена этим фактом. М.И.Михельсон отмечает как устойчивое выражение *вяземские пряники*. Не давая его толкование, он тем не менее указывает, что вязьмичей называли *пряничниками* и приводит присловье *Вязьма в пряниках увязла* [11, т. 1, с. 176]. Русский поэт П.А.Вяземский в стихотворении «Масленица на чужой стороне» в шутку называет *пряник* своим однофамильцем: «*Пряник, мой однофамилец, / Также тут не позабыт, / А наш пенник, наш кормилец, / Сердце любо веселит*» [П.А.Вяземский. «Здравствуй, в белом сарафане...» | Масленица на чужой стороне (1853.02.20), НКРЯ] (здесь и далее при использовании аббревиатуры НКРЯ — ссылки на Национальный корпус русского языка [12]). Отметим также, что выражение *тульский пряник* обозначает не только артефакт, но и человека, о чем будет сказано ниже.

Остановимся на основных символических значениях слова *пряник* в русской лингвокультуре.

1) Символизирует поощрение. Императивность в этом случае может быть выражена следующим образом: знай, что хорошая, правильная деятельность нуждается в поощрении.

Например: «Потом серьезно беседую с ним, еще и еще раз объясняя ошибки. — А где же “*пряник*”? — А “*пряник*” игрок получает на следующий день, когда я его вновь ставлю в игру» [Алексей Демин. Рафаил Ишматов: «В новогоднюю ночь позволю игрокам только кефир» (2002) // «Известия», 2002.12.26, НКРЯ]; «Дав на *пряники* графскому кучеру и отпустив возок, Фомин потоптался на месте и, не решаясь стучать в парадную дверь, двинулся к известному ему входу с тыльной стороны дворца» [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010, НКРЯ].

Тем же символическим значением обладает компонент *пряник* в устойчивом выражении *кнут и пряник*, предположительно возникшем в русском языке на рубеже XIX—XX вв. как калька с немецкого (Peitsche und Zuckerbrot — плеть и пряник) — ‘чередование жестких и мягких мер при обращении с кем-л., ведении какой-л. политики’ [13]. В современных русских текстах употребляется также в составе сочетаний *действовать кнутом и пряником, политика кнута и пряника*. В русской публицистике одним из первых его начал употреблять В.И.Ленин, который, например, писал в одной из статей о «демагогической политике, которую наши немецкие товарищи назвали “Peitsche und Zuckerbrot” («Проект программы нашей партии», 1899) [14]. Ср. в современных художественных и публицистических дискурсах: «— Да так же, — подмигнула она. — Индивидуальный подход, политика кнута и *пряника*. Ну, и любовь, конечно, — говорю же, без этого и стараться не стоит» [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003—2005), НКРЯ]; «Как вы мотивируете сотрудников, что работает лучше — *кнут или пряник*?» [Анна Рудницкая, Джеймс Кук. Почему аборигены не съели Кука // «Русский репортер», № 18 (48), 21—28 февраля 2008, 2008, НКРЯ].

Будучи знаком поощрения, *пряник* иногда употребляется в сравнительных конструкциях, приобретая в этом случае эталонное значение стимула, мотивации к какой-либо деятельности: *Без трендолов (без люлей, без тумачей и др.), как без пряников* (о тех, кто делает что-либо только из-под палки).

Примечательно, что в иронических контекстах *пряник* в соответствии с данной прагматикой символизировать не поощрение, а наказание: «Вот достанется ей на *пряники*... за эти шатанья, — притворно-сердито ворчит отец и с недовольным видом нервного, раздраженного человека спускает на нос очки и продолжает прерванное чтение» [Н.Н.Златовратский. Потанин вертоград (из цикла «Как это было») (1911), НКРЯ]; «В общем, мне доставалось и по первое, и по третье, и на *пряники*, и на орехи» [Александр Крамер. О скитальцах и странниках // «Сибирские огни», 2013, НКРЯ].

2) Символизирует преимущество (с подразумеваемой императивностью — цени то хорошее, что имеешь). Например: «Молодость ест **пряники** золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлеба не попросишься» [И.С.Тургенев. Ася (1858), НКРЯ]; «Следовательно, они на собственном опыте, ежедневно и ежечасно, должны чувствовать его социализм как новую жизнь, видеть её преимущества. Словом, нужен **«пряник»**. И он наметил и реализовал комплекс мер по улучшению или как минимум облегчению жизни человека в СССР» [Гавриил Попов, Никита Аджубей. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // «Наука и жизнь», 2008, НКРЯ].

3) Символизирует выгоду, благо. В данном случае императивность символа может быть выражена следующим образом: умеи извлечь свою выгоду. Например: «Но ружье есть ружье, это не корыто, с ним расстаться он ни за какие **пряники** бы не смог» [Валентин Распутин. Прощание с Матёрой (1976), НКРЯ]; «К тому же Литве подсластили горькую пилюлю и посулили **пряник** — свободную зону в клайпедском порту и аренду всех недавно построенных там сооружений» [Владимир Нырков. Город раздора (2003) // «Совершенно секретно», 2003.09.01, НКРЯ]; «Это в конце концов можно объяснить течением обстоятельств, ленью и нелюбопытством отборщиков, которых тульским **пряником** не заманишь в страну гипербореев» [Марина Давыдова. Русские ушли // Известия, 2004.08.17, НКРЯ].

4) Символизирует чье-либо расположение, интерес. Подразумеваемая императивность: знай, что расположение нужно заслужить. Так в «Энциклопедическом словаре русского детства» С.Б. Борисов отмечает, что в 1990-е годы фраза «**Без пряников не заигрывают**» использовалась, когда хотели подчеркнуть, что определенное поведение мальчика понимается как заигрывание, ухаживание: «“Без **пряников** не заигрывают!” — говорили девочки мальчикам, которые «строили глазки» или просто просили у них списать домашнюю работу и т. п.» [15]. Вероятно, появление устойчивой фразы **Без пряников не заигрывают** связано с русской традиционной игрой, которую устраивали юноши и девушки на второй день Пасхи: девушки выстраивались в круг возле церкви, а парни кидали в них пряники, пытаясь попасть в свою избранницу [8, с. 334]. Если девушке нравился молодой человек, она ловила пряник. Ср. также в современной песне группы «Народный хит»: «Под окном моим так долго не просиживай, / Своим взглядом ты меня не пронизывай, / Да на правый ты глазок не подмигивай / И без **пряников**, дружок, не заигрывай» (слова и музыка Ю.Вархрушева, песня «И без пряников не заигрывай», альбом «Гуляночка»).

5) Символизирует достаток. Императивность символа в данном случае — наслаждайся своей обеспеченностью. Это символическое значение имеет компонент **пряник** в пословицах: *Тарас есть **пряники** горазд; а Филат бы и каше рад; У нас **пряники** ломай, да со щами хлебай, а сядешь есть, и хлеба в четь; Поешь овсяничка наместо **пряничка*** [16]; *Есть **пряники** писанные / неписанные*. В последнем примере акцент смещается с самого пряника на определение к нему. Вариант с отрицанием М.И.Михельсон трактует так: «пробавляться в жизни чем попало» [11, т. 2, с. 548]. Следовательно, вариант без отрицания можно понимать как «жить в достатке». Например: *Наш Сергунька не брезгунька, есть **пряники** и неписанные* [9, т. 3, стлб. 1397]; *Даром, неграмотный, а **пряники** ест писанные* [11, т. 2, с. 548]; «*Мы люди простые, русские, едим **пряники** неписанные, у нас разносолов нету...*» [И.А.Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность (1927—1933), НКРЯ].

6) Символизирует нечто желанное, но обычно труднодостижимое. Императивность — знай: чтобы получить желаемое, надо приложить усилие. Например: *За сладкими **пряниками** семь вёрст ходить надо; Без работы **пряника** не купишь / не кушать; Мороки бояться, **пряника** не есть*. Примечательно, что подобные устойчивые фразы нередко используются в качестве заголовков различных публицистических текстов, причем в этом случае часто наблюдается дефразеологизация выражений. Так, последняя устойчивая фраза использована в качестве названия статьи Л.Быченковой именно об изготовлении пряников [17], хотя фразеологическое значение этого выражения — ‘если уклоняться от преодоления трудностей, то достижение хорошего результата невозможно’ и **пряник** в составе этого выражения является символом чего-либо желанного, приятного.

В сочетании с отрицательной частицей *не* данный символ приобретает противоположное значение: *не + **пряники*** = ‘что-либо отрицательное, крайне нежелательное’. Например: «*Понятное дело: три пули в пузе — не **пряники***» [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000—2003), НКРЯ].

7) Символизирует лицо, персону, человека. Императивность может быть выражена следующим образом: воспринимай этого человека как носителя определенных качеств (хитрость / доверчивость, наивность, глупость). Например: *Веселый **пряник** и под мышкой пролезет* (хитрый, в любой ситуации вывернется); **пряник** — новичок на зоне, человек, которого легко обмануть, обворовать, подмять под себя, превратить в свою шестерку, вынудить делать уборку или выполнять другую грязную работу (тюремный жаргон) [18]; **пряником** *прикидываться* — строить из себя простачка [19]; *тульский **пряник*** — шутил-бран. недотепа, растяпа, раззява [19, с. 416]. Например: «*Ах ты, тульский **пряник**! — возмущился кузнец. — Не верит он!*» [Светлана Василенко. Дурочка (1998), НКРЯ]. Фразеологизм *тульский пряник* в соединении с поговоркой *туп как сибирский валенок* образует контаминацию — устойчивый компаратив *глуп как тульский **пряник*** [20], в котором **пряник** выступает не как символ, а как эталон недалекого, наивного человека.

Символика **пряника** как знака чего-либо добавочного, необязательного, следовательно, избыточного в повседневной жизни поддерживается таким дериватом этого слова, как **пряничный** в значении ‘обильно украшенный, как будто сделанный из расписных пряников’, а также ‘чрезмерно сентиментальный, слащавый’ [21]. Часто в русских дискурсах имеет отрицательную коннотацию. Например: «*Тяжелое и несуразное*

впечатление производила эта вычурная, **пряничная** постройка» (А.И.Куприн, «Корь»); «И это искусство, литература, роман... А сахарные сцены любви, **пряничные** фразы приторных чувствований и водяных ощущений» (В.Г.Белинский, «К.П.Мирошев» Загоскина») [цит. по 21].

Таким образом, **пряник** является культурно значимым символом в русской языковой картине мира, анализ которого показывает следующее.

1. Значения **пряника** как языкового символа во многом обусловлены символикой этого кондитерского изделия как артефакта русской культуры (продуцирующей, любовно-брачной, поминальной).

2. В русской лингвокультуре **пряник** является знаком поощрения; преимущества; выгоды, блага; расположения, интереса; достатка; чего-либо желанного, но труднодостижимого; человека как носителя определенных качеств (хитрости либо, наоборот, доверчивости, наивности, глупости).

3. Символика **пряника** как знака чего-либо добавочного, необязательного и, следовательно, избыточного поддерживается дериватом этого слова — **пряничный**, который используется в русской художественной и публицистической литературе в переносных значениях (1. обильно украшенный, 2. чрезмерно сентиментальный) преимущественно с отрицательной коннотацией.

4. Наличие указанных символических значений подтверждается анализом фразеологизмов, пословиц, присловий, а также отрывков из художественных и публицистических текстов.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

1. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 230-301.
2. Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 2. С. 152-174.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 243.
4. Москвин В.П. Символ // Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Изд. 3-е, испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. С. 679.
5. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. / Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журиной. М., 1990. С. 23.
6. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К — П / Под общ. ред. Н.И.Толстого. М.: «Международные отношения», 2004. С. 208.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М.: «Прогресс», 1971. С. 395.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4: П — С / Под общ. ред. Н.И.Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: «Международные отношения», 2009. С. 334-338.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под ред. И.А.Бодуэна-де-Куртенэ: В 4 т. Т. 2. С.-Пб. — М.: Изд-е т-ва М.О.Вольф, 1914. Стлб. 1397.
10. Сеничкина Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. С. 363.
11. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов: В 2 т. СПб.: тип. Ак. Наук, 1896—1912. Т. 1—2.
12. Национальный корпус русского языка [Электр. ресурс]. URL: <https://russcorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 01.04.2021).
13. Бирих А.К., Мокенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. С. 267.
14. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электр. ресурс]. URL: <https://www.libfox.ru/199163-155-vadim-serov-entsiklopedicheskiy-slovar-krylatyh-slov-i-vyrazheniy.html#book> (дата обращения: 01.04.2021).
15. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: В 2 т. Т. 2. О—Я. Шадринск: Издательство Шадринского пединститута, 2008. С. 34.
16. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 87, 738, 863.
17. Быченкова Л. Мороки бояться, пряника не есть // Крестьянка. 1989. № 9. С. 26-27.
18. Чем так важен и кто такой пряник на зоне [Электр. ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/blathata/chem-tak-vajen-i-kto-takoi-ryanik-na-zone-5d332428c0dcf200adcbe984> (дата обращения: 23.03.2021).
19. Елистратов В.С. Толковый словарь русского слэнга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 335.
20. Живая речь. Словарь разговорных выражений [Электр. ресурс]. URL: <https://my-dict.ru/dic/zhivaya-rech-slovar-razgovornyh-vyrazheniy/411991-glup-kak-tulskiy-ryanik/> (дата обращения: 01.04.2021).
21. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 11. Пра—пятью. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Стлб. 1605.

References

1. Kovshova M.L. Lingvokulturologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]. Moscow, 2013, pp. 230-301.
2. Markova E.M. Kulinarynyy kod kul'tury vo vtorichnykh nominatsiyakh russkogo i cheshskogo yazykov: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty [The culinary code of culture in the secondary nominations of the Russian and Czech languages: linguistic and methodological aspects]. Vestnik RUDN. Seriya: Russkiy i inostranny yazyki i metodika ikh prepodavaniya, 2017, vol. 15, no. 2, pp. 152-174.
3. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, 1996, p. 243.
4. Moskvina V.P. Simvol [Symbol]. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoy russkoy rechi. Tropy i figury. Terminologicheskiy slovar' [Expressive means of modern Russian speech. Tropes and figures. Terminological dictionary]. Rostov-on-Don, 2007, p. 679.
5. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A., eds. Teoriya metafor. Moscow, 1990, p. 23.

6. Slavyanskies drevnosti. Ehtnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] in 5 vols, vol. 3. Moscow, 2004, p. 208.
7. Fasmer M. Ehtimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language] in 4 vols, vol. 3. Moscow, 1971, p. 395.
8. Slavyanskies drevnosti. Ehtnolingvisticheskiy slovar' [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary] in 5 vols, vol. 4. Moscow, 2009, pp. 334-338.
9. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. 4th edition in 4 vols, vol. 2. Saint-Petersburg — Moscow, 1914. Column 1397.
10. Senichkina E.P. Slovar' ehvfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, 2008, p. 363.
11. Mikhel'son M.I. Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazyaniy [Russian thought and speech: One's own and another's. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables] in 2 vols. Saint-Petersburg, 1902—1903. Vols 1-2.
12. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed: 01.04.2021).
13. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-ehtimologicheskiy spravochnik [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Saint Petersburg, 1999, p. 267.
14. Serov V. Ehntsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Encyclopedic dictionary of idioms]. Available at: <https://www.libfox.ru/199163-155-vadim-serov-entsiklopedicheskiy-slovar-krylatykh-slov-i-vyrazheniy.html#book> (accessed: 01.04.2021).
15. Borisov S.B. Ehntsiklopedicheskiy slovar' russkogo detstva [Encyclopedic Dictionary of Russian Childhood] in 2 vols, vol. 2. Shadrinsk, 2008, p. 34.
16. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda [Proverbs of the Russian people]. Moscow, 1957, pp. 87, 738, 863.
17. Bychenkova L. Moroki boyat'sya, pryanka ne edat' [If you are afraid of difficulties, then do not eat a pryanik]. Krest'yanka, 1989, no. 9, pp. 26-27.
18. Chem tak vazhen i kto takoy pryantik na zone [What is so important and who is the pryanik in jail]. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/blathata/chem-tak-vajen-i-kto-takoi-priantik-na-zone-5d332428c0dcf200adcb984> (accessed: 23.03.2021).
19. Elistratov V.S. Tolkovyy slovar' russkogo slehnga [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow, 2010, p. 335.
20. Zhivaya rech'. Slovar' razgovornykh vyrazheniy [Live speech. Dictionary of colloquial expressions]. Available at: <https://mydict.ru/dic/zhivaya-rech-slovar-razgovornykh-vyrazheniy/411991-glup-kak-tulskiy-pryanik/> (accessed: 01.04.2021).
21. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language] in 17 vols, vol. 11. Moscow — Leningrad, 1961, col. 1605.

Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. A pryanik as a cultural symbol in the Russian linguistic worldview. A *pryanik* in the Russian culture was not only a popular dainty, but also a ritual item. Its properties (softness, sweetness, honey and spices as ingredients) and peculiarities of its usage in rites (wedding, funeral, visiting calendar rites) largely determined its symbolic meaning, which was fixed at the linguistic level in proverbs and sayings, as well as in fiction and journalism. In the Russian linguoculture, a *pryanik* is a linguistic symbol of an incentive, award; advantage; benefit, good; favour, interest; prosperity; something desired, but hard to achieve; a person having certain qualities (cunning or, on the contrary, credulity, naiveness, stupidity). In the food linguocultural code of the Russian people, the *pryanik* is opposed to bread or porridge being indispensable foodstuff. On the contrary, its symbolic meaning includes an element of optionality, excessiveness. This is supported by a derivative *pryanichny*, which means 'lavishly decorated' or 'too sentimental'.

Keywords: Russian linguoculture, food linguocultural code, pryanik, artefact, linguistic symbol, symbolic meaning.

Сведения об авторах. Вероника Игоревна Абрамова — кандидат филологических наук (10.01.01), доцент, кафедра русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого; ORCID: 0000-0003-3684-9658; istinijobraz@mail.ru; Юлия Владимировна Архангельская — кандидат филологических наук (10.02.01), доцент, кафедра документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого; ORCID: 0000-0003-0998-7772; archangelju@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.03.2021. Принята к публикации 10.05.2021.

Ссылка на эту статью: Абрамова В.И., Архангельская Ю.В. Пряник как культурно значимый символ в русской языковой картине мира // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4(37). С. 407-411. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).407-411

For citation: Abramova V.I., Arkhangel'skaya Yu.V. A pryanik as a cultural symbol in the Russian linguistic worldview. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 4(37), pp. 407-411. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.4(37).407-411